

Костры миров

Автор:

Геннадий Прашкевич

Костры миров

Геннадий Мартович Прашкевич

Геннадий Мартович Прашкевич

Костры миров

1

Хенк был счастлив.

Под его ногами лежала настоящая земля. В его лицо упруго давила волна настоящего воздуха. Кисловатый запах металла, запах кислых почв, горячего песка жестко и сладко щекотал ноздри. Земля все еще отдалена миллиардами световых лет? Не важно! Теперь не важно. Теперь он среди людей. Пусть их немного, пусть все они, как он, Хенк, заброшены на эту далекую планетку лишь необходимыми для человечества делами, пусть Симма столь же мало похожа на Землю, как Крайний сектор на Внутреннюю зону, он, Хенк, все равно среди людей.

Его так и подмывало поднять голову и взглянуть на Стену. Но голову он не поднял. Спирали металлической травы под ногами счастливо поскрипывали, их ржавые стебли искрились как щетки электрогенератора. Хенк мысленно прикинул, какое напряжение могут вырабатывать металлические заросли там, где их корни уходят в глубину почв Симмы не меньше чем на милю, и присвистнул. Он привык к удивительным вещам, но все еще не отвык удивляться.

– Надень шляпу и топай в бар, – сказала Шу.

– Надо говорить – нахлобучь шляпу! – засмеялся Хенк.

Со своим сверхмощным бортовым компьютером он всегда обращался как с человеком.

– Я никогда не видела шляп, – заметила Шу без всякой обиды. – Я всего лишь представляю их геометрию. Видимо, этого мало.

– Ничего. Скоро я покажу тебе настоящую шляпу.

Этот разговор состоялся час назад.

За какие-то шестьдесят минут Хенк успел законсервировать «Лайман альфу», прошел через Преобразователь и сдал хмурому диспетчеру данные для расчета будущего курса к Земле.

Диспетчер не скрыл недоумения:

– Ты из зоны протозид? Странно...

Это прозвучало как – мы не ожидали гостей.

Помедлив, диспетчер все же спросил:

– Оберон?

– Человек! – возразил Хенк. – Разве не вы вели на посадку мою «Лайман альфу»?

– Это делают у нас автоматы... – Диспетчер, похоже, не поверил Хенку.

– А Преобразователь? – счастливо рассмеялся Хенк. – Разве я изменился, пройдя через горнило Преобразователя?

– Нетипичная зона... Иногда здесь мудрит даже Преобразователь... – Диспетчер хмуро ткнул кулаком в необозримую стену, украшенную множеством экранов. – Чаше всего мы имеем дело с квазилюдьми...

– Но не всегда, – возразил Хенк.

Он имел в виду себя: человека.

– А есть и такие, – не слушал его диспетчер, – что сразу начинают себя вести как люди...

Хенк рассмеялся:

– Я как раз из таких.

Диспетчер не улыбнулся. Он привык держаться официально, положение обязывает. Весь вид диспетчера говорил: я занят, я при настоящем деле, я из тех людей, что помнят саму Землю, а вот кто ты такой – это мне пока неизвестно. Может, ты и вправду человек, тогда я найду возможность извиниться, если же ты оберон, извинения не имеют смысла.

Что ж, сказал себе Хенк. Трудно было ожидать другого. Нетипичная зона это Нетипичная зона. У диспетчера действительно нет оснований мне доверять. Никто на Симме не ожидал земного корабля, тем более из зоны протозид, закрытой для всех представителей Межзвездного сообщества.

И решил: ладно. Пусть считает меня обероном. Трое земных суток – это не так уж много. Трое земных суток, трудно ли потерпеть? Трое суток...

Хенк усмехнулся. Термину оберон много больше.

Термин оберон вошел в обиход задолго до первого выхода Хенка в космос, где-то в год пуска сразу семи Конечных станций Вселенной, оборудованных Преобразователями. Принцип Преобразователя был, кажется, не до конца ясен даже самим предложившим его Цветочникам (ходили слухи, что Преобразователь – всего лишь случайное заимствование Цветочников у некоей загадочной крайней расы), но ни одна из цивилизаций, входящих в Межзвездное

сообщество, не отказалась от подарка. В объемистую горловину Преобразователя могло войти любое разумное существо, но на выходе вы всегда имели человека, точнее квазичеловека, оберона, обладающего довольно приличным словарным запасом и навыками смысловых схем, достаточных для деловых объяснений. Это сразу и навсегда избавило Конечные станции типа Симмы (Хаббл, Фридман, Оорт, Ньютон, Бете, Ридан) от массы хлопот: запасы продовольствия, газов, воды, биологически активных веществ свелись к стандартным, к тому же контакт с представителями самых отчужденных звездных рас предельно упростился. Что же касается термина обертон, к нему скоро привыкли.

Планету под Конечную станцию предоставили тоже Цветочки. Удобное местечко. И радиус планеты вполне соответствовал ее названию.

Симма – малый маяк.

Маяк на краю света.

Кстати, на краю света – это не было просто метафорой.

Обращенная своим северным полюсом к Вселенной, южным полюсом Симма всегда смотрела на Стену.

На невероятную темную бездну Стены.

Единственное, что дарило свет Симме – квазар Шансон, чудовищный сгусток перевозбужденной магнитоплазмы, непрерывно преобразующий гравитационную энергию в свет, в радио – и в ультрафиолетовое излучение, в яростное вращение и турбулентность. Мощно пульсируя, выкинув над собой гигантский голубой выброс, квазар Шансон одиноко и яростно пылал на фоне полного мрака.

Это был истинный мрак. Это была истинная тьма. За квазаром Шансон уже ничего не было.

Вообще ничего материального.

Тьма.

Стена тьмы.

Хенк так и говорил себе – Стена. Понятно, никакой стены там не существовало. Просто с одной стороны мерцали, сливаясь в тусклые шлейфы, мириады далеких звезд и галактик, а с другой же не было ничего.

Мрак.

Пустота.

Абсолют мрака и пустоты.

Но этот мрак, эта пустота воспринимались Хенком именно как Стена, и ничего с этим представлением Хенк не мог поделать.

Стена?

А почему нет?

Хенк счастливо топал по космодрому, не поднимая глаз к небу. Впрочем, если бы он их и поднял, никакой тьмы над собой он все равно не смог бы увидеть. Конечная станция располагалась на северном полюсе Симмы.

Трое суток, повторил про себя Хенк. Трое земных суток, и я получу карту курса.

Домой!

К Земле!

Стеной пусть любуются обероны.

Слабые электрические разряды легко покалывали ноги Хенка. Разумеется, ему так лишь казалось. И, кстати, ничуть не раздражало. Он ступал пусть по металлической, но траве, он ощущал пусть чужие, но запахи. Сам воздух,

поступающий не из каких-то ограниченных резервуаров, а просто извне, радовал и веселил Хенка.

Он радовался: он среди людей. Он радовался: он, наконец, покажет Шу настоящую шляпу.

Свой бортовой компьютер Хенк всегда называл древним женским именем – Шу. Слов нет, тахионные корабли сделали достижимыми любые, даже самые отдаленные точки Вселенной, но без машин типа Шу это оказалось бы попросту невозможно. Он, Хенк, дошел до Нетипичной зоны, он, Хенк, видел Стену – благодаря Шу. Он, Хенк, плавал в энергетических безднах квазара, был огненным шаром, разумным огненным шаром – благодаря Шу. Он, Хенк, дрейфовал в звездных течениях Нетипичной зоны, принимал формы, невозможные в любом другом случае – опять же, благодаря Шу. Если он, Хенк, у первого встречного на Симме попросит шляпу для Шу, его, наверное, поймут. Впрочем, и недоумение, и даже усмешку предполагаемого первого встречного он, Хенк, снесет без усилий.

Ради Шу!

Хенк был счастлив.

Шу его ждет, «Лайман альфа» всегда готова к вылету, все необходимые данные отправлены диспетчером в Расчетчик Преобразователя. Через трое земных суток он, Хенк, получит разрешение на выход из Нетипичной зоны, а, значит, явится на Землю как раз к началу очередного редакционного Совета Всеобщей энциклопедии (том «Протозиды»). Неважно, что по часам Симмы этот Совет завершил свою работу несколько столетий назад – курс «Лайман альфы» будет вычислен по такой кривой пространства-времени, которая в любом случае приведет Хенка к точно назначенному времени, ни минутой раньше, ни минутой позже. Самая грубая ошибка никогда еще не превышала десятых долей секунды. Для сотрудников Всеобщей энциклопедии все будет выглядеть так, будто он, Хенк, отсутствовал два с половиной месяца, что в пересчетах Межзвездного сообщества эквивалентно израсходованной им энергии, и вот вернулся с необходимыми дополнениями к одному из самых сложных томов Всеобщей энциклопедии – к тому, посвященному протозидам. Основная статья этого тома принадлежала пока что ему же, Хенку, – обширные компиляции, составленные по мифам и наблюдениям Цветочников, Арианцев, океана Бюрге и тех немногих звездных рас, что когда-либо соприкасались с протозидами.

Увлекательные, обширные, но... компиляции.

Были ли они верны, соответствовали ли действительности? Можно ли вообще, изучая некую отчужденную расу, опираться на мифологию и наблюдения рас, никогда не относившихся к протозидам с симпатией? То, что протозиды никогда не заглядывали во Внутреннюю зону Вселенной, то, что они упорно не хотели замечать своих звездных соседей, все это, по мнению Хенка, еще не давало оснований относить протозид к тем цивилизациям, что в принципе неспособны к контакту. Цивилизация – понятие вообще довольно туманное, его не так-то легко точно сформулировать или истолковать, тем более что пути развития звездных рас мало где были достаточно схожими, к тому же истолкователи таких понятий, как цивилизация, как правило, сами живут внутри вполне определенных цивилизаций, что конечно же не может не вносить в их суждения ту или иную долю предвзятости.

Туп как протозид. Темен как протозид. Жесток как протозид.

Он, Хенк, никогда не соглашался с подобными формулировками, хотя мифы Цветочников, Арианиев, океана Бюрге были по завязку набиты именно такими формулировками.

Протозиды.

Они же – первичники.

Они же – истребители звезд.

Время от времени, собираясь в гигантские скопления (а масса каждого отдельного протозида часто намного превосходила массу таких планет, как Сатурн или Юпитер), протозиды пытались уйти из Нетипичной зоны к какой-либо одинокой звезде. При этом им было все равно, обитаемы ли миры, в пределы которых они вторгались. Мифология Арианцев, Цветочников, океана Бюрге сохранила память примерно о пяти подобных, никем еще не объясненных вторжениях, после которых и Цветочникам, и Арианцам слишком многое приходилось начинать сначала. Сжигая себя в звезде, доводя ее до чудовищного взрыва, протозиды гибли, а вместе с ними в океане раскаленной плазмы, заливающей Крайний сектор, гибли солнца, планеты, населенные станции,

радиобуи и, разумеется, разумные существа. Являлось ли все это осмысленными, рассчитанными ударами не объявленной, но настоящей войны с соседями? Никто этого не знал, ибо протозиды ни с кем не шли на контакт. Редкие попытки землян (Арианцы, Цветочники, океан Бюрге давно отказались от таких попыток) установить связь с протозидами пока что не дали никаких результатов, вот почему члены Межзвездного сообщества смотрели сквозь пальцы на совершаемые время от времени вылазки объединенных флотов Цветочников и Арианцев в Нетипичную зону. Ходили слухи, что Цветочники и Арианцы занимаются рассеиванием замеченных ими скоплений...

Что ж... Они защищались...

Но тот тезис, что пока у цивилизаций есть антиподы, конфликт неизбежен, Хенку всегда не нравился.

Сейчас Хенк был счастлив. Он добыл кое-что действительно новое. Его личные наблюдения в Нетипичной зоне многое дадут членам Межзвездного сообщества. Они с Шу неплохо поработали.

Хенк машинально провел ладонью по обезображенному шрамом лбу, будто снимая с него невидимую паутину. Широкий некрасивый шрам, вертикально опускающийся к переносице, был привычен для него, как морщина. Еще один шрам, только шире, страшнее, прятался под рубашкой – зазубренным треугольником он спускался от шеи под левую лопатку и чуть ниже. От этого левое плечо Хенка всегда казалось немного опушенным.

Впрочем, сам он никогда не помнил об этом. Да и занимала его сейчас вполне конкретная мысль. Он думал – найдется ли на Симме самая обыкновенная шляпа?

Радуюсь сам, он хотел обрадовать Шу.

Хенк был счастлив.

Трое суток – это не просто карантин. Трое суток – это прекрасная возможность вернуть себе хоть какие-то навыки землянина. Не так-то просто после долгого одиночества дружески похлопать по плечу первого встречного, а Хенку этого хотелось. Впрочем, то, что за стойкой бара стоял длинный жилистый усач с объемистым миксером в руках, а перед ним на высоком табурете откровенно скучал крупный плечистый субъект в желтой майке звездного перегонщика, вовсе еще не означало, что Хенк видел настоящих людей. Обероны, скорее всего, хотя в штате Конечной станции непременно должны были состоять и земляне. Межзвездное сообщество строго следило за соблюдением определенных пропорций. Но если ты и похлопал по плечу крупного плечистого субъекта в желтой майке звездного перегонщика, это отнюдь еще не означало, что ты действительно похлопал по плечу именно человека, а не китообразное, скажем, существо с Тау или аморфное разумное облачко с Пентаксы.

Хенк бросил на стойку плоскую коробку с кристаллами памяти (Астрофизика Нетипичной зоны, Заметки к текстам о протозидах и прочее) и не без некоторой опаски воззрился на высокий табурет: он не был уверен, что после столь долгого отсутствия не совершит какой-нибудь неловкости.

Эта мысль тут же получила подтверждение. На мгновение Хенку попросту захотелось зависнуть над табуретом, как он любил это делать, беседуя с Шу, но он вовремя спохватился и взгромоздился на табурет так, как по его понятиям и следовало это сделать землянину – без особой ловкости, но с достоинством.

Усатый бармен и плечистый человек в желтой майке звездного перегонщика обернулись к Хенку одновременно. Будь Хенк пылевым облаком, распростершимся на полнеба, ему не составило бы труда держать в поле обзора сразу обоих, но сейчас он был всего лишь человеком. Он просто дважды кивнул.

– Титучай?

Терпкий тонизирующий напиток всегда был к месту, но, спрашивая, усатый жилистый бармен не улыбнулся – возможно, сам подозревал в Хенке оберона, возможно, не любил оберонов или вообще не был общителен.

Хенк усмехнулся.

Такие парни, как этот жилистый усатый бармен, ему всегда нравились. Дело не в хмурости. Как правило, это дельные парни. Спроси у такого, где можно найти шляпу, он нисколько не удивится и не пойдет трепать по всей Симме о каком-то чокнутом со звезд, разыскивающим не принадлежащую ему шляпу.

Взяв это на заметку, Хенк повернулся к звездному перегонщику.

Впрочем, перегонщик выглядел не приветливее бармена. Презрительно выпятив широкие, плоские, прямо-таки щучьи губы, он странно щурился, будто испытывал к Хенку не столько интерес, сколько неясное подозрение.

– Конечно, титучай! – Хенк радовался. – Три титучая. Я угощаю.

И предложил:

– За возвращение!

– А счет? – недоброжелательно поинтересовался усатый бармен.

Хенк назвал бортовой номер своего корабля, автоматически являющийся номером его счета. Хенк гордился этим номером. «Лайман альфа». Резонансная линия водорода с длиной волны 0, 12 микрон. Хороший счет. Тем более что на Симме счет имел вовсе не символическое значение. В сущности, Конечная станция принадлежала Цветочникам, и все расходы Хенка сейчас оплачивала Земля, причем оплачивала чистой информацией. Могло, кстати, оказаться так, что чашка титучая, выпитая Хенком, оплачивалась именно его, Хенка, статьей. Скажем, о тех же протозидях.

– С возвращением, – бармен без особого энтузиазма поднял чашку.

– Возьми посудину пообъемистей, – радушно посоветовал Хенк. – Не похоже, что вы тут, на Симме, часто пьете за возвращение.

Бармен хмыкнул:

– Не так уж и редко.

И добавил хмуро:

– Сегодня ты – третий.

– Открыли регулярную линию? – удивился Хенк.

– До этого еще не дошло, – вмешался в разговор щучьегубый. – Но на Симме не пусто. Вторую чашку бармен сегодня поднимал за меня...

– А первую?

– За патрульных.

Хенк не стал спрашивать, что делают на Симме сотрудники звездного Патруля. Он не хотел терять время на патрульных. Он с удовольствием смотрел сквозь прозрачную стену бара. Там, за невидимым колпаком силовой защиты, слабый ветерок лениво курчавил металлические заросли, гонял по земле ржавую спиральную стружку. Две – три звезды прокололи дикое пепельное небо Симмы. Голова бармена время от времени перекрывала свет звезд, это мешало Хенку, и он перебрался на другой табурет, ближе к щучьегубому. Звездный перегонщик воспринял это как сигнал к сближению.

– Сегодня и завтра, – доверительно сообщил он, – в Аквариуме оберон с Оффиуха.

Хенк кивнул. Ему понравилась эта новая манера обращаться ко всем на ты.

– Секреты пластики? – вспомнил он. – Я только слышал об этом.

– Это следует видеть, – щучьегубый переглянулся с барменом. – А видеть это можно только здесь. Оффиухцы, они как бы вроде этих поганных протозид, их не сильно-то выманишь из Нетипичной зоны.

– Подыскивай сравнения! – возмутился бармен. – «Протозид!..» – Он брезгливо поджал губы. – Протозиды убивают, а оффиухцы радуют. Есть разница, правда?

Он плеснул в свою чашку еще несколько капель титухая и выругался.

Хенк усмехнулся.

Похоже, за время его отсутствия изменилось не многое. Да и вряд ли могло измениться. Ненависть Арианцев, Цветочников, океана Бюрге к протозидам не могла рассеяться сама по себе.

Хенк опять усмехнулся.

Он чувствовал себя гонцом, несущим добрую весть. Завтра утром он разберется в заметках, набросанных для него Шу и вложенных в кристаллы памяти, и, возможно, в том же Аквариуме познакомит сотрудников Конечной станции с некоторыми из своих выводов.

Он поманил к себе бармена.

– Через Симму, наверное, прошло немало людей?

– С Земли? – не понял бармен.

– Неважно откуда, – ухмыльнулся Хенк. – Главное, людей.

– Конечно были.

– На складах Симмы, должно быть, попадаются занятные вещи, а?

– Да уж, наверное. Мы ничего не выбрасываем.

И спросил:

– Тебя интересует что-то конкретное?

– Да, – кивнул Хенк.

– Твой счет надежен, – помолчав, кивнул бармен. – Говори. Если эта штука сыщется, она твоя.

И Хенк сказал:

– Шляпа.

Он ничего не добавил к просьбе. Он ничего не хотел объяснять. Правда, никаких объяснений и не понадобилось. И бармен и звездный перегонщик с плоскими щучьими губами уже разглядели шрам, вовсе не украшающий Хенка. Уже совсем другим, сочувствующим голосом бармен спросил:

– Где тебя так?

Он явно понял просьбу Хенка по-своему. Он явно решил, что шляпа нужна Хенку по самой простой причине – прикрыть шрам, надвинув шляпу на лоб. А сочувствие прорезалось от того, что до него наконец дошло: Хенк – человек. Оберон, пройдя сквозь Преобразователь, никогда не получит ни морщинки, ни бородавки, ни тем более шрама. Квазилюди всегда гармоничны. У них не бывает каких-либо заметных уродств. Их тела всегда чисты.

– Где тебя так? – переспросил бармен.

– Не важно, – отмахнулся Хенк.

– Такой удар может жизнь отшибить, не только память, – сочувственно кивнул бармен. – Как у тебя с памятью? Имя помнишь?

– Еще бы! – усмехнулся Хенк и подмигнул бармену: – Я – Хенк.

– А я – Люке, – еще раз кивнул бармен. – Зови меня так. Люке. Это не имя, но мне нравится, когда меня называют Люке.

– А я – Ханс, – протянул руку звездный перегонщик. – По-настоящему Ханс, без всяких там оберонских штучек.

Хенк кивнул.

Хенк был растроган.

Он подумал: «Шу повезло. Кажется, Шу увидит, наконец, шляпу».

3

Он долго не мог уснуть. Сперва ему помешал диспетчер.

«Хенк, – спросил диспетчер по внутреннему инфору. – Как нам отодвинуть твою „Лайман альфу“? Она мешает почтовикам».

– Проще простого, – ответил Хенк, – Свяжитесь с Шу, она все сделает.

«Шу? – удивился диспетчер. – Почему ты не зарегистрировал спутника?»

– Шу – это бортовой компьютер, – терпеливо объяснил Хенк.

Он долго не мог уснуть.

В детстве его мучило мерцание звезд. Непостижимость этого мерцания. В юности он открыл комету. Ее хвост растянулся на полнеба, он был просто светлый, но в долгих ночных снах он всегда виделся Хенку цветным. Хенка с детства удручала необходимость прятаться под покровом атмосферы. Он широко открывал глаза, будто это могло помочь ему проникнуть в даль Космоса. Он любил думать, что его дом не ограничен пределами Солнечной системы. В принципе это было так. Закончив школу Поисковиков, Хенк сам выходил во Внутреннюю зону. Но никогда дальше. Дальше ходил его старший брат Роули – звездный разведчик. Хенк всегда завидовал разведчикам. Ему хотелось думать, что там, среди звезд, разведчики – его продолжение. Он не уставал следить за мерцанием звезд. Его мучило – что там, за горизонтом событий? что там, в Крайнем секторе? что там, в Нетипичной зоне, где укрывается недоступная для известных цивилизаций раса протозид, игнорирующая любую попытку контакта?

По материалам звездного разведчика Роули Хенк написал книгу. Книга, посвященная Нетипичной зоне, привлекла внимание специалистов. Бывшего пилота, а теперь космоисторика и космопалеофитолога Хенка пригласили в редакцию Всеобщей энциклопедии. Десять лет, проведенные в штате

энциклопедии, составили Хенку имя.

Лучший знаток первичников...

Разумная, но замкнутая на себя раса заполняла даже сны Хенка. Иногда он видел такие сны, о содержании которых не мог рассказать даже брату. Зато из нескольких специалистов Всеобщей энциклопедии, выразивших желание взять на себя дальний поиск, связанный с изучением протозид, предпочтение было отдано именно Хенку. Он подозревал, что какую-то роль в этом сыграла трагическая гибель его брата Роули, там, в глубинах Крайнего сектора. Подразумевалось, что будущие наблюдения Хенка внесут ясность в один из самых сложных отделов Всеобщей энциклопедии. Подразумевалось, что будущие наблюдения Хенка, как раньше наблюдения Роули, не только дополнят, но и перестроят этот отдел, все еще вносящий сумятицу в строго расчисленное здание звездной истории.

Параллельно делам во Всеобщей энциклопедии Хенк читал в Высшей школе курс космической палеофитологии. Этот курс определялся названием «Века и растения», но из встреч с Хенком слушатели выносили не просто понятие об эволюции растительных и квазирастительных земных и звездных форм, – Хенк не уставал указывать на расхождения, оказавшиеся роковыми для некоторых, теперь уже не существующих цивилизаций, на те поистине роковые узлы, с которых Разум, взрываясь, начинает строить вторую природу, отрываясь от своих естественных, predetermined происхождением корней.

На Земле у Хенка было место, где он всегда чувствовал себя особенно хорошо.

Свайный домик, крошечное лесное озеро.

За озером, как рыжие облака, пылали осенние лиственницы, не закрывая собой Енисея. Еще дальше голубели горы...

Хенк водил студентов по саду, обращал их внимание на тот или иной куст, на запахи, на цвет, присущий только определенному кусту. Он, Хенк, в сущности, разбил самый северный сад роз, в котором белые шары древних, как сама история, Лун и благородные Галлики росли прямо на земляных грядках, а желтые и светлые дамасские розы, пережившие Римскую историю и последующие пятьдесят веков, оставались столь же упругими и свежими, как во

времена Цезарей. Хенк по-детски гордился зеленоватыми чайными, аромат которых и впрямь напоминал крепкий чайный букет, карамзиновыми Дюк де Монпасье, огненно-алыми Амулетами. Он любил редкие бархатистые, с розовым ободком Кримсон Роули и всегда влажные, покрытые капельками нежной росы бутоны Арон Уор. Показывая свои розы, Хенк благоговейно поднимал глаза горе. Ему нравилось, что звезды и розы схожи.

Иногда Хенк подводил студентов к бревенчатому забору, отделяющему сад от пасеки. Здесь, у грядок, над которыми золотились Мадам Жюль Граверо, желтели буйные Маман Коте, лучились сквозь плотную кожистую листву блестящие, как бы покрытые восковым налетом, алые пернецианские, он непременно задерживался. Ведь там среди блеклых, как осень, Лидий и Сестер Калли, среди алых Гранд Гомбоджап белела привитая на простой шиповник самая обычная на вид парковая роза. Но она отнюдь не была обычной, над нею Хенк работал почти пятнадцать лет. Он не резал и не формировал куст, он просто помогал розе развиваться, разве лишь осенью снимал с веток листья, чтобы не привлекать к кустам внимания прожорливых северных мышей. Он берег розу не от холодов, он берег ее от жесткого северного солнца. Отзываясь на раннее весеннее тепло, верхняя часть куста могла торопливо пойти в рост, тогда как корневая система еще не проснулась. Со всем остальным куст справлялся сам.

Ни разу за пятнадцать лет Хенк не видел на цветах выведенной им розы ни одной крапинки, ни одного ободка. Она была чистой, как снег, и он с удовольствием выкашивал вокруг траву, даря розе покой. Он с удовольствием сидел рядом с нею, а когда, случалось, шел дождь, когда слезились темные окна, а листва берез обвисала страшно и сыро, он укрывал ее от дождя.

Роза не была безымянной.

Он назвал ее Роули – именем брата, звездного разведчика, трагически погибшего в районе катастрофического взрыва 5С 16 – космического объекта, долго вызывавшего недоумение астрофизиков. Хенк не уставал верить, что однажды слухи о гибели брата будут опровергнуты, как это, пусть редко, но случалось. Хенк не уставал верить, что Роули жив, что он все еще там – вверху, в безднах Космоса.

Он долго не мог уснуть.

Туп как протозид. Темен как протозид. Жесток как протозид.

Он вспомнил брезгливую гримасу бармена Люке и холод, проглянувший во взгляде звездного перегонщика Ханса.

Туп, темен, жесток.

Арианцы, Цветочники, океан Бюрге – они, наверное, имели право так говорить, но почему так говорят земляне?

Хенк улыбнулся.

Он разрушит стереотипы.

Протянув руку (в комнате было темно), он взял со стола коробку с кристаллами памяти. Крошечный проектор заработал сам – от тепла ладони.

Маршрут...

Маяки...

Точки отсчета...

Физика Нетипичной зоны...

Счетчик стрекотал, как кузнечик.

Хенк удивился. Разве он не взял с собой кристалл «Протозиды»?

Не вставая, он включил внешний инфор и вышел на связь с Шу.

– Как у тебя? – спросил он, не скрывая радости.

– У меня хорошо, – ответила Шу своим непостижимым голосом. – Разрабатываю маршрут.

– Но этим занят Расчетчик Преобразователя.

– Я, конечно, не знала...

Хенк понял, что Шу обиделась. И быстро сказал:

– Я сам хотел просить тебя продублировать работу Расчетчика.

Шу все поняла. Уже другим голосом она спросила:

– Как у тебя?

Хенк вздохнул. Он все еще помнил лица Люке и Ханса.

– Шу, – спросил он. – Почему никто не любит протозид?

– Они вне сообщества, Хенк.

– Ну да... – протянул он. – Первичники... Истребители звезд...

– Не только. Они древние, Хенк. Они очень древние. Вспомни, как человек относится к тем, кто намного старше его – к мокрицам, к змеям, к членистоногим. А протозиды еще древнее, Хенк. Они очень древние.

Он кивнул.

– Хочешь спросить еще что-нибудь?

– Да.

Он помолчал.

– Кажется, я забыл на борту кристалл «Протозиды».

– Ты его не забыл, Хенк.

– Но его нет в коробке.

– Его действительно нет в коробке, Хенк.

– Почему?

Шу промолчала.

– Почему, Шу?

– Кристалл «Протозиды» подлежит просмотру лишь на Земле.

– С чего ты это взяла?

Шу не ответила. Но он знал, что Шу ничего не делает просто так. Он уважал мнение Шу. И еще он знал, что сколько бы он сейчас ни спрашивал, она ничего не скажет.

Еще какое-то время он смотрел на потемневший, вдруг отключившийся экран. Он был сбит с толку. Он даже почувствовал неясную тревогу.

Впрочем, его все равно не оставляла радость: он на Симме, он почти среди людей.

Он не сразу понял, кто может стучать в его дверь на борту «Лайман альфы». А если и стучат, почему стучавшему не ответит Шу?

Ах да!

Он на Симме!

Не поднимаясь, Хенк ткнул пальцем в переключатель инфора.

«Это гости».

– Кто они? – Хенк еще не хотел вставать.

«Они хотят все объяснить сами».

– В любом случае им придется подождать...

– Прости, Хенк, но у нас мало времени.

На вспыхнувшем экране появилось чье-то смуглое лицо, несомненно чем-то удрученное.

– Вы слышали мои слова? – удивился Хенк.

– Ты забыл отключить внешний инфор.

Хенк поднялся.

Принимая душ, он внимательно присматривался к гостям – он видел их на экране инфора. Два человека (или оберона), они вошли в комнату и остановились у окна, будто их интересовал не Хенк, а всего лишь ржавый дикий пейзаж утренней Симмы.

Несколько запоздало Хенк предложил:

– Садитесь.

И вышел из душевой, затягивая пояс халата.

– Извини, Хенк, – сказал смуглолицый, видимо старший в группе.

Его пронзительные голубые глаза смотрели прямо на Хенка. Слишком широко поставленные, они действительно смотрели холодно и пронзительно, тем не менее Хенку он понравился больше, чем его спутник – печальный красавчик, как бы равнодушный ко всему происходящему. Печальный красавчик так и не отошел от окна, что-то внимательно рассматривая на поле. Голубые куртки обоих украшал отчетливый белый круг с молнией и звездой в центре – официальный знак звездного Патруля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/prashkevich_gennadiy/kostry-mirov

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)